

ЭДУАРДО КАРРАНСА

р. 1913

КОЛУМБИЯ

*Перевод с испанского Инны Чежеговой **

«Но мне уж не идти с весною рядом: // я, провожая вас прощальным взглядом, // моей печали розу вам дарю». Эти строки сонета Эдуардо Каррансы могли бы служить эпиграфом ко всему его творчеству: «роза печали» как нельзя лучше раскрывает суть его поэзии — ее живописность и элегичность. Карранса окончил Учительский институт в Боготе, преподавал колумбийскую и испанскую литературу, занимал дипломатические посты, в 60—70-е годы был профессором столичного университета. В 1939 году им была основана литературная группа «Камень и небо», названная так по аналогии с книгой выдающегося испанского поэта Хуана Рамона Хименеса, оказавшего существенное влияние на поэзию Эдуардо Каррансы. Лирические сборники Каррансы «Песни, чтобы начать праздник», «Шесть элегий и один гимн», «Твоя лазурь», «Забвение», «Альгамбра» и другие были собраны в одну книгу, которая под названием «Отзвучавшие шаги» вышла в 1970 году в Мадриде. Лирика Каррансы благородна, тиха, меланхолична и вместе с тем интеллектуально сложна, порой изощренно метафорична; прихотливость мгновенных впечатлений сочетается в ней с тщательно выстроенными тематическими композициями. Основное настроение его поэзии — элегическое; основная, бесконечно варьируемая тема — тема времени. Незамирающая ностальгическая нота и празднично живописные образы: «Женщина яблоко ела. // Летело над крышами время. // Весна на ногах своих длинных // бежала, смеясь, как девчонка». Печаль от сознания проходящих мгновений, часов, дней, лет — «время как море: жизнь в нем тонет», размышления, то и дело «тонущие» в потоке воспоминаний, — таков лирический лейтмотив Каррансы. Время, его быстротечность, время — «летающее», уносящее, разрушающее реальность, и время — грядущее, животворящее, полное надежд; время — символ «вечного возвращения» и обновления: «Женщина яблоко ела. // Так было, так есть и так будет». Эдуардо Карранса одинаково виртуозно владеет как классическими формами

* ЭДУАРДО КАРРАНСА — Стихи (*Перевод с испанского и вступление Инны Чежеговой*) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 161–170.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

(в частности, сонетом), так и верлибром. Его поэзия заслужила признание не только в Латинской Америке, но и в Испании: известный испанский критик Дамасо Алонсо назвал его «глубоким и серьезным поэтом, мысль которого всегда в полной гармонии с отточенно изящным стихом».

Возвращение к островам и жасмину

Бесконечное расстояние
непрерывного возвращения
во времени быстротекущем.

Хуан Рамон Хименес

Жасмин в белых звездах:
глазастые феи
глаза позабыли
в жасмине.

Улыбка реки
со струящимся телом,
от звезд серебристым.
Улыбка.

И горло рассвета,
все золотое,
в цветах гуаябо.
Горло.

Остров как отдых
в игре любовной
и в жизни реки
как отдых.

И полусон
в гамаке, парящем
на крыльях-крюках
фантазий.

И облака,
что плывут стихами,
в небесной книге
стихами.

Я был глазами
и больше ничем.
И в небе увидел
мира предел.

А птица, в сумерках
чуть различима,
мне подарила
все чудо мира.

Всегда возвращаюсь:
пусть небо ни разу
в окне реки
меня не узнало.

Жасмин в белых звездах,
остров как отдых,
и ветер водит
дней хороводы.

Время как море:
жизнь в нем тонет.
А что остается?
Стихи?

В моей душе двенадцатого октября

Ибо я жил в ожиданье тебя...

Поль Валери

По бурному морю, незримому морю
моей пылкой крови, под пенье сирен
сердце мое, как корабль зачарованный,
плыло, не взято сиренами в плен.
День, золотясь, повернул на вечер,
а ты повернула ко мне навстречу,
твои глаза для меня расцвели, —
и с мачты сердца вскричал победно:
«Небо!» — матрос, от бессонницы бледный,
едва райский берег открылся вдали.

Ветер колосьев

Твои волосы — колосья на ветру.

Пшеничные поля, поля, поля,
и небо с чуть заметной правкой туч,
и вечер выткал на своем платке
голубку.

Колосья как река вокруг тебя,
и ты среди колосьев словно колос,
как самый стройный колос, что дала
земля.

Соломенная шляпа, синий пояс
и платье, словно ранняя весна:
взлетает, весь в цветах и птицах, легкий
волан...

И как весенний сказочный букет,
ты держишь радость, землю, солнце, ветер,
и над тобою голубиный вечер...
Такой ты снишься мне.

Твоих улыбок нежных голубятня,
в колосьях ветер, в небе — тучи стаей...
И ветер, ветер в золотистых прядях, —
как ты прекрасна!

Танцуешь ты, кружась среди колосьев
под свой напев, танцуешь без конца,
пока луна не пронесет над полем
свет своего лица...

Сонет Тересе

Тереса, в чьих глазах небес начало,
как запаха начало у цветка:
меня ты своенравьем ручейка
и нежностью вражды околдовала.

Лозой, и колосом, и розой алой
клонилась ты — легка, гибка, тонка,
и тело твое было как река
любви, что в море вечности впадала.

Тереса, для тебя встает заря,
и по ночам, вся звездами горя,
волшебных снов спускается завеса...

Тобой одной живу в разлуке я,
к тебе влюбленная строка моя,
и сердце бьется для тебя, Тереса.

Поэт прощается с девушками

О девушки! Не раз вы мной воспеты:
вы, чья походка музыкой влечет, —
когда в саду вы, в белое одеты,
мне чудится — в саду жасмин цветет...

Как обтекает ваши силуэты,
волнуясь, ветер, свой прервав полет.
Пока стихи слагают вам поэты,
поэзии не рухнет небосвод.

Сам бархат нежностью не спорит с вами,
и путаю я землю с небесами
там, где я вас встречаю, как зарю...

Но мне уж не идти с весною рядом:
я, провожая вас прощальным взглядом,
моей печали розу вам дарю.

Звук времени

Звук у полдня золотистый,
а у ночи — звездный звук,
звук у времени — неслышный,
звук — как будто сердца стук.

Невидимкою-рекою
время все бежит, бежит...
Сердце — птиц и песен остров —
посреди реки лежит.

Времени шаги прозрачны,
и, под временем дрожа,
что-то в сердце облетает,
как опавший лист, кружа.

Светится пятном туманным
времени звезда во мгле,
и дрожит листом опавшим
мое сердце на земле.

Тема женщины и яблока

Женщина яблоко ела.
Летело над крышами время.
Весна на ногах своих длинных
бежала, смеясь, как девчонка.
Женщина яблоко ела.
У ног ее море рождалось.
Солнце ее золотило,
заставляя светиться тело.
От волос ее воздух струился.
А земля была — зелень и розы.
Синева победное знамя
против смерти весна поднимала.
Женщина яблоко ела.
Весна величавым жестом
раскрывала ладонь: кружились
в лазури цветы и рыбы.
Ревел, подбираясь ближе
в венке из лимонных листьев,
ветер быком незримым.
Мирт пылал, как белое пламя.
И южное море сияло,
словно лицо любимой.
Женщина яблоко ела.
Мерцали звезды Гомера.
Летело над крышами время.
Резвились в воде дельфины.
Женщина яблоко ела.
Так было, так есть и так будет.
И сердцу мнилось, что это —
оно в зубах ее белых.
Земным мое сердце было,
и в землю оно возвратится.

Время

Слышу, как время стекает с твоих волос,
словно раздумья влекут нас в ушедший день
вслед за мелодией, что отзвучала давно...
Так ощущаю я время ранней весной.

Слышу, как время бежит по жилам моим,
когда твое имя — нетленный, душистый жасмин —
мне дышит в лицо ароматом. Когда вонзится
лето в меня раскаленные зубы свои.

Слышу, как время проходит в листве тополей:
так ощущаю я время осенней порой.
Тихо катясь, повторяют волны реки
вместе со мной забытое имя твое.

Слышу, как время, закутавшись в теплые сны,
ход замедляет зимой. И вбирает рожь
поступь забвенья во мраке и шуме дождя.
Так ощущаю я время в разгаре зимы.

Поэзия

Антонио ¹, наша работа —
выстраивать слово за словом,
одно за другим, словно день за днем,
с ночным перерывом на отдых под звездами.
Работа, которая сразу — ты знаешь —
белой голубкой из рук вылетает,
вырывается кречетом быстрым.
Свет в наших строчках, разувшись, бежит,
порой исчезая в ночной печали.
Антонио, наши слова, ты знаешь,
бьют порой, как стенные часы
в доме, всеми оставленном, темном,
времени счет ведя понапрасну.
Звучат они телефонным звонком
в квартире, в которой нет никого.
Набатов в пустыне звучат понапрасну.
Наша работа, Антонио, —
о жизнь ударяться сердцем.
Я прочел твою книгу и думаю:
мы с тобой стоим на пороге,
на пороге чего — о боже?
И поддерживаем друг друга
бережно, как слепой слепого.

¹ Антонио Льянос — современный колумбийский поэт.

Сад

Ты скрываешься за деревьями,
словно в прошлом;
сквозь ветви последние,
в просветы воспоминанья
я все еще тебя вижу:
голубиное воркованье,
журчанье воды и шелест
листьев тебя провожают...

Сердце в письме

Здесь образ сердца моего начертан:
к листу бумаги руку протяни,
и ты услышишь собственного сердца
счастливый стук, как в те, былые, дни.

Разлуки нет, пока в нее не веришь;
мы снова, как вчера, с тобой одни:
тогда любви мы отворили двери,
сегодня вновь распахнуты они —

навстречу молчаливому горенью,
навстречу бегу смертному к забвенью
от ранищего сердце острия —

к лазурной бухте нового свиданья,
где поцелуи утолят страданье,
где обретет покой душа моя.